

**Брешко-Брешковская
Екатерина Константиновна**

**Скрытые корни
русской революции**

ББК 63.3(2)5

Б87

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Брешко-Брешковская Е.

Б87 Скрытые корни русской революции. Отречение
великой революционерки. 1873–1920 / Пер. с
англ. Л.А. Игоревского. — М.: ЗАО Центрполи-
граф, 2006. — 336 с.

ISBN 978-5-519-73200-0

Воспоминания русской революционерки, сподвижницы Кропоткина, Чайковского, Желябова, Перовской и Синегуба, аристократки, вместе с единомышленниками «пошедшей в народ», охватывают период с 1873-го по 1920 год. Брешковская рассказывает о том, как складывалось революционное движение, об известных революционерах, с которыми она общалась в заключении. Она не только констатирует факты, но и с не угасшей революционной страстью осуждает политику большевиков, приведших страну в тупик после 1917 года.

ББК 63.3(2)5

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2006
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2006

ISBN 978-5-519-73200-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь Екатерины Брешко-Брешковской¹ можно назвать воплощением истории целого столетия. Она до сих пор жива и ведет политическую деятельность², однако в ее памяти еще сохранилось то время, когда поход Наполеона на Москву был свежим семейным преданием. Ее старшие родственники были современниками декабристов. Первым политическим событием, отложившимся в ее сознании, стало поражение русской армии под Севастополем. Уже девушкой она вместе с отцом участвовала в подготовке к освобождению принадлежавших им крестьян от крепостной зависимости, а вместе с мужем открыла первые земские школы и библиотеки в своем уезде. У нее на глазах разворачивалось все то, о чем помнили наши деды, и все, через что прошли наши отцы и мы сами.

Бросая из сегодняшнего дня взгляд на поток событий, в которых участвовали или которые засвидетельствовали Брешковская и ее политические единомышленники, как на звенья в цепи, которая вела к катастрофе — крушению империи, — именно в деятельности этих людей мы можем найти ключ к народной трагедии; исходя из их дел,

¹ Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, урожденная Вериго, родилась в 1844 г., умерла в 1935 г. в Чехословакии.

² Предисловие написано в 1931 г.

мы способны определить место революционеров в российской истории более четко, чем это было возможно до переворота.

И прежде всего мы должны отдать должное нравственной высоте и исключительной готовности к жертвам, которой отличались русские революционеры — Брешковская и ее современники.

Идеал Чайковского¹, Кропоткина, Желябова, Перовской, Синегуба, Брешковской и прочих состоял в том, чтобы, выражаясь словами Лаврова из его «Исторических писем», «развивать человеческую личность в физическом, умственном и нравственном отношениях и воплощать истину и справедливость в социальных формах».

С этой страстью к установлению на земле высшей справедливости и истины сочеталось стремление к искупительной жертве для облегчения ужасных страданий низших классов, столь характерное для того поколения революционеров, типичным представителем которых является Брешковская. «Нам казалось, — писал Чайковский, ближайший друг и соратник Брешковской, — что сама история возложила на нас миссию раскрыть людям истину, которая известна нам одним, и тем самым осуществить социальное чудо, освободив людей от страданий и унижений, чтобы иметь возможность сполна приобщиться к образованию и культуре. В этом состоял наш неискупимый долг перед народом — долг, требовавший от нас величайших подвигов во имя спасения народа».

В Западной Европе и Америке подобный идеализм у зрелых людей считался бы непрактичным, романтическим и, возможно, по-детски наивным. Но мы должны помнить, что глубочайшие и самые ужасные детские впечат-

¹ Речь идет о Николае Васильевиче Чайковском (1850—1926), одном из создателей в конце 1860-х гг. Большого общества пропаганды (кружка чайковцев), в дальнейшем члене партии эсеров.

ления русской культурной молодежи из поколения Брешковской были связаны с крепостничеством. На их глазах одни русские продавали других — семьями и поодиночке, ради удовольствия подвергали их телесным наказаниям, насиловали молодых женщин и девушек, а иногда даже травили собаками. Именно подобные впечатления побуждали молодых юношей и девушек из известных и богатых помещичьих семей с таким энтузиазмом «идти в народ», чтобы искупить грехи своих отцов и дедов. И там, в революционном подполье, они находили для себя моральное оправдание, работая рука об руку с детьми рабов, лишь вчера освобожденных от крепостной зависимости, и ведя борьбу с наследственными привилегиями своего класса.

Если крепостное право было опухолью, разъедавшей социальный организм России, то абсолютизм Николая I, доведенный до абсурдной степени, серьезно подорвал политический фундамент империи. Жестокое поражение под Севастополем, произошедшее вопреки всей доблести русской армии, произвело сильное впечатление как на Брешковскую в детстве, так и на все культурное поколение той эпохи. Севастополь стал первым тревожным сигналом не только для самодержавия, но и для всей России — сигналом о том, что время, отпущенное империи, истекает и что для спасения государства требуется конституционная реформа.

В шестидесятые годы, в самом начале «великих реформ» Александра II, практически все культурные люди России были единомышленниками — все желали прогрессивных перемен. В то время еще не разверзлась глубокая пропасть между революционерами, с одной стороны, и либералами — с другой.

Однако, как мы знаем, идиллический период великих реформ — освобождение крестьян, учреждение местного

самоуправления, судебная реформа, введение всеобщей воинской обязанности, свобода печати — длился недолго. Имперское правительство, встревоженное добровольной деятельностью прогрессивного общества и не желая объединить отдельные реформы принятием конституции, вскоре вступило на путь реакции. С самого начала семидесятых правительство Александра II — разумеется, действуя не так жестко, как во времена Николая I, — возобновило противодействие реформаторским порывам, даже в чисто культурной сфере, особенно тем, которые исходили от организаций и лиц, стремившихся насадить ростки грамотности и культуры в деревне, только что освобожденной от рабства.

В то время помыслы Брешковской не шли дальше легальной культурной работы в деревне. Вместе со своим отцом, мужем и их соседом Синегубом она всей душой отдалась организации школ, библиотек и больниц в своем уезде.

Но ни в земстве, ни на прилегающей территории Синегуб и Брешковская ничего не добились. Власти, встревоженные слишком быстрым распространением культурных учреждений в деревне, закрыли школы, основанные семьями Брешковских и Синегубов, и запретили им работать среди крестьян. Тогда-то и произошел раскол. Отец и муж Брешковской покорились правительству и остались лояльными либералами, а юная Екатерина и Синегуб долг перед народом поставили выше верности правительству. Они оба начали революционную деятельность, навсегда отказавшись от удобств и привилегий своего социального и экономического положения.

Раскол в семье Брешковской был типичен для прогрессивного российского общества в условиях внезапного возобновления реакционной политики правительства. Не отрицая необходимости дальнейших социальных реформ,

русские либералы поставили своей целью борьбу за конституцию в рамках монархии и исключительно методами легальной оппозиции. Революционеры же, не отрицая необходимости борьбы за конституционную реформу ради освобождения народа, планировали добиться ее путем насилия, направленного на достижение радикального социального переворота.

Я стараюсь быть объективным. Право на это мне дает прошедшее с тех пор время, а текущая ситуация в России обязывает к объективности. В те давние годы, в эпоху семидесятых и восьмидесятых, логика российской истории не совпадала с социальной программой, выдвинутой революционерами. В ту пору, несмотря на мрачные прогнозы Кавелина и некоторых других, возможность уберечь Россию от потрясений посредством конституционной реформы еще не была безвозвратно потеряна, хотя следует признать, что для реализации программы либеральных реформ был необходим чрезвычайно решительный революционный темперамент, но его-то ни у либералов, ни у среднего сословия и буржуазии в целом не наблюдалось вплоть до падения монархии в 1917 г.

Но хотя революционеры, друзья Брешковской, поставили перед собой утопическую цель вместо исторически достижимой, рациональной программы государственных реформ, адаптированных к уровню экономического и политического развития России, они тем не менее обладали волей к борьбе и обостренной интуицией. Они питали глубокое убеждение, что невозможно создать ничего нового и что абсолютизм не победить, если не вовлечь в задачу государственного строительства и политического переворота широкие массы крестьян и рабочих.

Русские революционеры из числа единомышленников Брешковской и ее друзей, порывая со своим классом, жертвуя своим личным благополучием и отправляясь «в

народ», понимали, что обречены на гибель. Они знали, что далек тот час, когда низшие классы выйдут на передний план русской истории. Уходя в политическое подполье, они в сущности оставляли всю область легальной политической борьбы на откуп либералам, которые верили в возможность мирного переустройства России посредством угрозы революции, а не самой революции. Такая угроза, исходящая из низов, была вполне реальна, если бы император отказался прислушиваться к мудрым советам умеренно консервативных кругов.

Революционеры не верили в возможность мирного исхода борьбы между традиционным абсолютизмом и потребностями новой России. Они не знали, но чувствовали, что времени им отпущено немного. Предвидя, что приближается конец старого режима, они спешили вести пропаганду среди рабочих и крестьян, чтобы интеллектуально подготовить их к неизбежному и величественному моменту, когда в ходе стихийной революции массы поднимутся не только на защиту своих политических прав и классовых интересов, но и на спасение самой России. «Мы считали первейшей необходимостью, — писал Чайковский незадолго до своей смерти в 1926 г., — поспешить с подготовкой наших преемников из числа самого народа. Отсюда подготовленные нами отряды промышленных рабочих, отсюда наше желание заразить их чувством долга и безграничной любви ко всему российскому народу, чтобы они сумели продолжить наше дело».

Однако было бы большой ошибкой считать, что все революционное движение подпитывалось таким высоким идеализмом и глубоким гуманизмом. С самого начала шестидесятых параллельно с идеалистическим движением, основанным друзьями Брешковской, в революции развивалось, как я бы сказал, реакционное направление. Реальным основателем этой аморальной тенденции к ненавис-

ти и разрушению был Сергей Нечаев, и прямым наследником его организации — нечаевцев — является Ленин, величайший реакционер нашего времени.

Но это реакционное течение в революции, представленное Нечаевым и Лениным, никогда бы не восторжествовало над движением Брешковской, Желябова, Чайковского, если бы Россия в 1914 г. не была втянута в мировую войну, которая и в экономическом, и в техническом отношении превосходила ее возможности.

Сперва казалось, что российская катастрофа, ставшая результатом сложного комплекса причин и последствий, свела на нет все плоды многолетнего труда российских либеральных и демократических партий. Но одно обстоятельство имеет колоссальное значение как памятник трудам Брешковской и ее соратников — а именно то, что будущее страны находится в руках трудящихся классов — крестьян, рабочих и интеллигенции, не имеющей классовой принадлежности. Брешковская и ее товарищи связали свою судьбу с судьбой низших классов, вложив в дело весь обширный капитал своей интеллектуальной и нравственной культуры. Таким образом в течение многих десятилетий они аккумулировали человеческий материал для строительства той России, которая призвана прийти на место традиционной монархической России.

Нет никаких сомнений, что после того, как нынешний эксперимент выдохнется, Россия продолжит развитие по принципам политической и социальной демократии, основы которых были заложены более полувека назад Екатериной Брешковской и ее товарищами.

А.Ф. Керенский

ПОСВЯЩЕНИЕ

Для вас, мои друзья, мои внуки и внучки, я пишу эту книгу о духовной жизни русского народа. Читая ее, вы поймете, что у меня была возможность установить тесные отношения со всеми слоями населения нашей великой страны и было достаточно времени, чтобы познакомиться с психологией простого народа, а также привилегированных классов и интеллигенции. Под «интеллигенцией» я понимаю тех образованных людей, которые пытались ускорить тяжелый переход от старых, отсталых форм социальной жизни в России к новым, более гуманным условиям, лучше отвечающим требованиям нынешней эпохи.

Мне хочется порекомендовать вам, чтобы вы, читая историю нашего народа, видели в нем не бесформенное скопище марионеток, которыми управляют непонятные законы, а членов единого живого тела, наделенного уникальным духом, который оставил свой отпечаток как на позитивных, так и на негативных явлениях в истории России. Интеллектуально и духовно эти люди всегда отличались чувствительностью к внешним влияниям. Если их реакция не была такой быстрой и отчетливой, какой бы могла быть, то вовсе не из-за апатии, робости или природной глупости, а из-за полного невежества относительно внешнего мира — невежества, в котором эти люди про-